

УДК 94(571.16)

ББК 63.3(2Рос-4Том)53

Государственно-правовое регламентирование функционирования староверческих молитвенных домов на территории Томской губернии в XIX — начале XX в.

В.Н. Ильин^{1,2}, Ю.А. Зеленин²

¹Алтайский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

State-legal Regulation of the Functioning of the Old Believer Prayer Houses in the Territory of the Tomsk Province in the 19th — Beginning of the 20th Century

V.N. Ilyin^{1,2}, Yu.A. Zelenin²

¹Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассмотрен вопрос функционирования старообрядческих молитвенных домов на территории Томской губернии в XIX в. Авторы подвергли анализу законодательство Российской империи по данному вопросу, а также изучили специфику его реализации на местном уровне за счет богатого комплекса архивных данных, многие из которых были использованы впервые.

Наличие старообрядческих молитвенных домов, а также условия их функционирования были строго регламентированы на законодательном уровне. Нарушение предписанных норм влекло за собой судебное преследование, сами молитвенные дома закрывали или они подлежали уничтожению. Вместе с тем на территории Томской губернии существовали незаконные старообрядческие молитвенные дома, как построенные вновь, так и самовольно открытые. Все попытки решения данного вопроса не принесли губернским и епархиальным властям ожидаемого результата.

Реализация на практике закона от 3 мая 1883 г. на территории Томской губернии была затруднена административными условиями. Сам по себе закон оказался половинчатым, это было обусловлено тем, что к жизни он был вызван скорее «духом времени», чем стремлением правительства наделить старообрядцев гражданскими и религиозными правами.

Ключевые слова: молитвенный дом, старообрядцы, Томская губерния, закон, часовня, государство.

The article deals with the functioning of Old Believer prayer houses in the territory of Tomsk province in the 19th century. The authors analyzed the legislation of the Russian Empire on this issue, and also study the specifics of its implementation at the local level, due to a rich set of archival data, many of which were used for the first time. The presence of Old Believer prayer houses, as well as the conditions for their functioning, were strictly regulated at the legislative level. Violation of the prescribed norms led to the prosecution, the prayer houses themselves were closed or subject to destruction. At the same time in the territory of the Tomsk province there were illegal Old Believer prayer houses, built again, or autocratically opened. All attempts to resolve this issue did not bring the expected results to the provincial and eparchial authorities.

The practical implementation of the law of May 3, 1883 in the territory of the Tomsk province was hampered by administrative conditions. By itself, the law was half-hearted, this was due to the fact that it was brought to life more by the "spirit of the times" than by the government's desire to reward the Old Believers with civil and religious rights.

Keywords: Prayer house, Old Believers, Tomsk province, law, chapel, state.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-07

Старообрядчество в России на протяжении трех с половиной веков представляет собой масштабное общественно-духовное движение. Старообрядчество — это феномен, которому всегда были органически присущи базовые ценности христианского мировоззрения. По мнению доктора исторических наук, профессора Алтайского государственного университета В.А. Должикова, «именно старообрядчество являлось естественным наследником ценностей Русской России, разумеется, допетровской эпохи» [1, с. 53]. Ему всегда были органически свойственны: стремление к свободе совести (религиозный плюрализм), предприимчивость и трудовая этика, тяготение к социальной справедливости, методы ненасилия в политической деятельности и т.д. Освоение всех этих ценностей заново могло бы, наверное, помочь современному русскому обществу восстановить свою национальную и цивилизационную идентичность, почти разрушенную в период господства тоталитарного атеистического режима.

Драматический опыт дискриминационной в отношении старообрядцев государственной политики, проводившейся властью Российской империи в XIX в., мог бы, вероятно, стать полезным и в практическом смысле. Сегодня российская государственная власть должна, с одной стороны, противодействовать такому нежелательному явлению, как религиозный экстремизм, а с другой — обеспечивать правовое равенство для нормального функционирования различных конфессий, а также и граждан, не принадлежащих ни к одной из них. Данная тема в условиях современной многоконфессиональной и вместе с тем светской России может дать ответ на решение вопроса утверждения главных демократических прав и свобод, среди которых свобода совести является основополагающей.

В данном контексте история старообрядчества является актуальной, подтверждением чему служит возросший интерес к ней со стороны современных исследователей. Вместе с тем проблема правовых коллизий по вопросам функционирования староверческих молитвенных домов, равно как и реализация данных законов на практике (в пределах Томской губернии) пока не являлись предметом пристального рассмотрения.

Томская губерния исторически сложилась как региональный старообрядческий центр, чему способствовала политика самого правительства. С одной стороны, государственная власть сама ссылала сюда главных церковных оппозиционеров, стремясь очистить от «раскола»* внутренние территории России.

*Старообрядцы официально именовались раскольниками, однако по сути своего явления термины «старообрядчество» и «раскол» не являются тождественными, поэтому далее в тексте термины «раскол» и «раскольник» употребляются в кавычках.

С другой стороны, с самого начала церковного раскола в пределы Томской губернии самовольно прибывали тысячи старообрядцев, спасаясь от церковно-государственного преследования, а в XVIII–XIX вв. с целью поиска легендарной страны Беловодья. В рассматриваемый нами период Томская губерния представляла собой уже довольно крупный центр старообрядчества, как в количественном, так и в качественном отношении. Таким образом, территория Томской губернии превратилась в один из центров спасения староверов, а вместе с тем и «арену борьбы» местной администрации и церковных властей «с расколом».

В соответствии с законодательством Российской империи XIX в. христианская православная католическая вера восточного исповедания являлась «первенствующей и господствующей», вместе с тем государственная власть проповедовала принцип веротерпимости [2, ст. 40]. В отношении ненавистных имперскому правительству и официальной Церкви «раскольников» закон утверждал, что старообрядцы не преследуются за свои убеждения в вере. Однако последующие нормативно-правовые акты существенно ограничивали религиозную и гражданскую жизнь староверов. Государственная концепция в данном вопросе сводилась к тому, чтобы не придавать никакого правового значения всему, что касается старообрядческой церковно-духовной стороны, по возможности ограничить распространение «раскола» и интегрировать его в состав официального православия [3, ст. 45].

Духовная жизнь верующих людей невозможна без религиозных обрядов, совершение которых осуществляется в молитвенных зданиях. По мнению церковных и светских властей старообрядческие часовни и молельни способствовали публичному «оказательству раскола», что было просто недопустимо. Соответственно, по действующему законодательству того времени наличие и количество староверческих молитвенных зданий было строго регламентировано. Официально в своих религиозных целях приверженцы древнего благочестия могли пользоваться только теми молитвенными зданиями, которые были легально построены с дозволения Екатерины II и Александра I. Постановлением от 17 сентября 1826 г. было оговорено, что «раскольнические часовни и молитвенные дома, под разными именованиями построенные до этой даты, остаются в настоящем их положении, но после сего не только строить вновь, что-либо похожее на церкви, но и переделка или возобновление старых подобных зданий, ни по какому случаю не дозволяется» [4, с. 26]. В 1842 г. этот закон был подтвержден [3, ст. 48]. Таким образом, этот закон не запрещал старообрядцам производить молитву и совершать богослужения, однако лишь в особо предназначенных для этого зданиях, официально разрешенных правительством.

Во всех официальных бумагах разрешенные молитвенные здания именовались не иначе как «молельнями» и «часовнями», а не церквями [5, с. 408]. Внешний облик этих зданий по закону ничем не должен был напоминать образ церкви. Не допускалось наличие наружных колоколов и крестов «как принадлежность православных церквей» [5, с. 235; 3, ст. 48].

Очевидно, что количество легальных староверческих молитвенных зданий было единично и не могло удовлетворить религиозные потребности верующих. Исходя из этого церковнослужители Синодальной церкви Томской губернии в своих рапортах отмечали наличие неофициальных старообрядческих часовен и молелен. Излагая свои наблюдения, представители казенного православия требовали от местной светской власти принятия срочных мер по устранению незаконных заведений, т.е. закрытия («запечатывания») или сноса. Так, к примеру, в 1831 г. с шемонаевской часовни были сняты колокола, а сама она разрушена. В 1838 г. были разрушены жарковская и грамотинская часовни [6, с. 23]. В феврале 1838 г. томский гражданский губернатор Шленев распорядился об уничтожении здания старообрядческой молельни в д. Шульгин Лог и об отдаче под суд «расколуучителей Привалова и Афанасьева». Летом того же года молитвенный дом был разрушен до основания [7, л. 86–87]. В июле 1865 г. епархиальным властям от священника Барнаульского округа Александра Беляева поступил рапорт, в котором он сообщал, что крестьянин Марк Федоров Горбунов «совратившись из православия в раскол, старается и других увлечь в оный, а для успешного достижения своей цели он построил около дома своего часовню, водрузив на ней большого размера крест» [8, л. 1]. После произведенного следствия Марк Горбунов был отдан под суд, а часовня, построенная им, разломана земской полицией [8, л. 4].

Имели место случаи преобразования старообрядческих молитвенных домов в единоверческие храмы [9, с. 85].

Часто «запечатанные» часовни староверы «распечатывали» самовольно [10, с. 1098]. Например, были «распечатаны» часовни в д. Черемшанке, Шипициной, Жарковой, Тычкиной, Айской, Уймонской и др. [11, с. 105].

В апреле 1837 г. томскому губернатору Шленеву поступил донос из консистории на то, что в д. Шипициной Тальменской волости находится незаконная «раскольничья молельня». Молитвенный дом был «запечатан». Однако в мае 1838 г. управляющему томской губернией от духовных властей поступил новый рапорт, в котором говорилось, что выше означенный молитвенный дом с февраля 1838 г. «распечатан», и что есть основания подозревать в этом старообрядческого наставника Фирса Федорова Харина. Томский епископ на-

стойчиво требовал от светских властей «принятия мер по прекращению всякого действия со стороны раскольников, противного учению православной апостольской церкви» и вторичного закрытия молитвенного дома [7, л. 58]. В ответ Томское губернское правление предписало Барнаульскому земскому исправнику «запечатать» молитвенный дом в д. Шипициной [7, л. 62]. Лица, совершившие самовольное незаконное «распечатывание», подвергались уголовному преследованию.

Старообрядцы неоднократно пытались добиться официального разрешения легально иметь молитвенный дом, избежав в будущем его разорения и преследований со стороны властей, направляли властям письменные прошения. К примеру, в мае 1864 г. последовало письменное прошение от 874 томских старообрядцев о разрешении им «отправлять богослужение по правилам старообрядцев и иметь свои молитвенные дома» [11, с. 125].

Обычным ответом властей на подобные прошения был отказ с чередой судебных процессов. Особенно много подобных прошений последовало после закона «О даровании раскольников некоторым прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 г. Согласно этому закону старообрядцы получили право: «творить, без нарушения общих правил общественного порядка общественную молитву», исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам, как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях; «исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, пришедшие в ветхость», но без всякой перемены наружного вида, притом всякий раз с разрешения губернатора; «распечатывать» молитвенные здания, но каждый раз с особого разрешения министра внутренних дел и при «предварительном сношении с Обер-прокурором Синода», «распечатывание» должно производиться без всякого торжества [12, № 1545]. Таким образом, в самом законе уже были заложены ограничения и противоречия, в частности, законом не было определено: что подразумевается под словами «частный дом» и «молитвенное здание»? Ничтожное недоразумение могло породить новые следственные дела. Светские власти каждый раз запрашивали мнение церковных властей, ответ которых всегда был однозначно не в пользу старообрядцев. Реализация прав, дарованных данным законом, без разрешения подлежащих властей являлась преступлением. Постройка нового старообрядческого молитвенного здания или обращение в таковое жилых зданий без разрешения министра внутренних дел наказывались заключением в тюрьму, а само здание подлежало уничтожению.

В основе закона 1883 г. лежала мысль, прямо высказываемая, что «раскол» как религиозная община

не может считаться нормальным явлением и потому не должно пользоваться покровительством государственных законов. Подчеркивалось, что закон покровительствует и одинаково охраняет личные гражданские права «раскольников», как и других подданных, но не признает в «раскольнических» толках особенного законного сословия или общества. При этом проявление религиозной жизни государство лишь терпит, признавая как факт, но не придавая ему правового значения.

Анализ архивных данных Томской губернии подтверждает тот тезис, что реализация на практике декларируемых законом прав, за редким исключением, была маловероятна. Причиной отказа мог быть тот факт, что просители по документам считались православными-никонианами, или слишком большая численность старообрядцев «от рождения» в сравнении с количеством никониан в том селе, где предполагалось открытие молитвенного дома. К примеру, в мае 1883 г. в Синод поступило прошение доверенного от крестьян старообрядцев Бийского округа села Тарханского Карпа Никитина Шушуникова об устройстве молитвенного дома. Это прошение было препровождено в Томскую духовную консисторию с указанием «произвести расследование и доставить заключение». В январе 1884 г. томский епископ Владимир предоставил в Синод рапорт, в котором сообщалось, что на основании дознания данная просьба не подлежит удовлетворению на том основании, что как сам проситель, так и его доверители почти все принимали «тайнства православной церкви и лишь по невежеству своему отпали от православия в раскол» [13, л. 1; 4; 15].

В 1902 г. староверы д. Выдрихи Александровской волости Змеиногорского уезда ходатайствовали о разрешении устроить в их деревне молитвенный дом. Губернские власти обратились за заключением в Томскую духовную консисторию. В официальном ответе значилось: «По мнению о. Ливанова ходатайство об открытии молитвенного дома не заслуживает внимания за пропаганду ими раскола». Св. Синод определил «поданное прошение по сему предмету оставить без последствий, т.к. ходатайство вызвано исключительно под влиянием и при содействии вожака Ивана Екимова, человека, надо сказать, развращенного нравственно» [14, л. 1]. Как видно, в официальном заключении томских епархиальных властей присутствуют расплывчатые формулировки и предположения.

По факту реализация данного права зависела от усмотрения министра внутренних дел (который запрашивал официального заключения губернских властей), обер-прокурора Синода (который однозначно воспринимал старообрядчество как «антигражданское и антирелигиозное зло») и местных губернаторов (которые запрашивали официально-

го заключения епархиальных властей) [15, с. 10]. Показательны в данном случае слова из письма К.П. Победоносцева Н.И. Субботину: «Верховная власть, являющаяся защитником догматов господствующей веры, не может поставить в равные условия свободы как Православную церковь, так и учения, прямо ей враждебные» [16, с. 154].

Позднее, в 1905 г. Комитет министров констатировал: «Допущение на деле указанных в правилах для раскольников льгот поставлено было в значительной мере от усмотрения Министерства внутренних дел, действовавшего в сих случаях по соглашению с ведомством православного исповедания. Поэтому применение закона стало производиться на практике с крайнею, иногда излишнею, осмотрительностью... а с течением времени появились для них вновь стеснения со стороны местных начальств...». Комитет министров вынужден был, в частности, признать, что удовлетворение ходатайств раскольников об открытии молитвенных зданий вследствие отрицательной позиции местных властей, Министерства внутренних дел и Синода «имело место лишь в редких случаях» [17, с. 78, 79].

Часто старообрядцы свои прошения направляли сразу в органы центрального управления, минуя местные органы власти, или отправляли ходоков, что может говорить о недоверии местным властям или надежде на «высочайшую милость». В любом случае эти прошения возвращались в Томское губернское правление, так как существовали порядок и очередность рассмотрения прошений. К примеру, в 1896 г. старообрядцы д. Миничевой Томского округа в телеграмме на имя императора ходатайствовали о разрешении им по случаю коронации выстроить молитвенный дом, наименовав его Александровским. Правительственный Синод обратился к томскому губернатору с просьбой «сделать надлежащее распоряжение к объявлению просителям, что они в нарушении порядка дерзают адресовать телеграмму Государю Императору по такому делу, в коем раскольникам предоставляется обращаться с просьбами к местному гражданскому начальству» [18, л. 7815]. Также в мае 1905 г. 32 старообрядца д. Молоковой Барнаульского уезда отправили на имя императора Николая Александровича прошение о разрешении выстроить им молитвенный дом для исправления духовных нужд [19, л. 18].

Интересен факт того, что очень часто старообрядческие часовни были реально востребованы и прихожанами-никонианами. По причине удаленности деревень от приходских храмов никониане не имели возможности в физическом смысле совершать такие важные обряды, как крещение или отпечение. В данном случае старообрядческие молитвенные дома служили для них «духовной отдушиной», выходом из сложившейся проблемы. Об этом писал

Д. Н. Беликов, ссылаясь на донесение в Синод ехавшего через Сибирь на служение в Пекин архимандрита Петра: «...деревни удалены от приходских храмов до 500 верст. Каинские священнослужители употребляют на объезде своих приходских деревень по полугоду времени. Множество детей в сибирских деревнях умирают без крещения, а из умерших взрослых только редчайшие удастаиваются погребения. Томские крестьяне не бывали в храмах по 10 лет, бывая в них только один раз в жизни для бракосочетания. Понятно, до какой степени это было благоприятным условием для раскольничьей пропаганды. Достаточно было где-нибудь в соседнем месте завестись раскольничьей часовне или молельне, чтобы наряду со старообрядцами туда пошли и православные» [20, с. 4].

Стоит привести также еще один факт: в 1860 г. в д. Ново-Ложниковой Каинского округа «местный расколоучитель Чаунин вместо старой и обветшалой молельни соорудил новую. Многие из православных, которые за отдаленностью не могли быть в светлый праздник в церкви, были на богослужении у Чаунина» [11, с. 72]. Также в июне 1905 г. старообрядцы д. Георгиевской Космалинской волости Барнаульского уезда ходатайствовали о разрешении открыть в этой деревне молитвенный дом. Священник Петр Хрущев писал в Томскую духовную консисторию по этому поводу: «Нет сомнений, что старообрядческий молитвенный дом в случае разрешения на открытие, будет соблазном для православных перейти в раскол, т. к. они будучи удалены от приходского храма на расстоянии 35 верст, редко имеют возможность посещать приходской храм для удовлетворения своих религиозных потребностей, причт по той же причине не может их навещать, тем более, что приход очень обширен и многочислен, старообрядцев и в других деревнях прихода имеется в довольно значительном количестве, которые не менее вредны для православных» [21, л. 33, 35].

Посещение никонианами старообрядческих молельных рассматривалось правительством как «уклонение в раскол», и возбуждалось уголовное дело

по факту «распространения раскольничьей ереси среди православных» или «сращения православных в раскол», после чего данный молитвенный дом подлежал немедленному закрытию или уничтожению. Однако в ежегодном отчетном издании Томской губернии за 1893 г. (спустя 10 лет после издания либерального закона) указано: «Старообрядческих молитвенных домов и часовен в пределах Томской губернии насчитывается до 100, из них только 7 построены с разрешения начальства» [22, с. 44]. По официальным данным за 1859 г. старообрядческих молитвенных домов, разрешенных правительством, значится: один в Барнаульском округе, три в Бийском, четыре в Каинском [23, с. 3–118]. По архивным данным в 1863 г. в Каинском округе обозначены эти же молитвенные дома [24, л. 14]. Как видно, с 1859 (и 1865) г. по 1893 г. значительного увеличения официальных молитвенных домов на территории Томской губернии не наблюдается. Вместе с тем епархиальные власти вынуждены констатировать увеличение жалоб от причтов о самовольном устройстве староверами молитвенных домов [25, с. 39]. Рост числа именно нелегальных заведений, в свою очередь, может свидетельствовать против возможностей реализации на практике декларируемых прав староверов по закону от 1883 г.

Несмотря на низкий уровень практического применения данного закона, стоит отметить и его положительный момент — то, что он не имел запретительного или тем более карательного характера, а напротив, содержал в себе дух либерализма.

Таким образом, государственно-правовое регламентирование функционирования староверческих молитвенных домов не приносило для государственных (и уж тем более церковных) властей ожидаемого результата. Старообрядцы нелегально строили новые молитвенные дома, самовольно открывали «запечатанные», с каждым годом увеличивалось число прошений от старообрядцев на имя центральных и местных светских и церковных властей о разрешении строительства новых молитвенных домов.

Библиографический список

1. Должиков В.А. Алтайская Русь // Русская идея. — Барнаул, 1992.
2. Свод Законов Российской империи. — СПб., 1900. — Т. I.
3. Свод Законов Российской империи. — СПб., 1900. — Т. XIV.
4. Ершова О.П. Развитие законодательной системы в области раскола в 50–60-е годы XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. — Вып. 4. — М., 1995.
5. Собрание постановлений по части раскола. — Лондон, 1858.
6. Томские епархиальные ведомости. — 1897. — №17.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 51. — Д. 148.
8. ГАТО. — Ф. 170 — Оп. 2. — Д. 97.

9. Ильин В.Н. Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2012. — № 4/2.
10. Из истории раскола в Томской губернии в XIX в. // Исторический вестник. — СПб., 1901.
11. Беликов Д. Н. Томский раскол // Известия Томского ун-та. — Т. 18. — 1901.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. III. — СПб., 1886.
13. ГАТО. — Ф. 170. — Оп. 2. — Д. 2702.
14. ГАТО. — Ф. 170. — Оп. 2. — Д. 3195.
15. Ильин В.Н., Маракулин Д.А. Государственно-правовое решение старообрядческого вопроса в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Алтайский юридический вестник. — 2016. — № 3(15).
16. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1914. — Кн. 1.
17. Клочков В.В. Закон и религия: (От государственной религии в России к свободе совести в СССР). — М., 1982.
18. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 3679.
19. ГАТО. — Ф. 170. — Оп. 2. — Д. 3257.
20. Беликов Д. Н. Томский раскол: (исторический очерк от 1835–1880 гг.) // Известия Томского ун-та. — Т.16. — 1900.
21. ГАТО. — Ф. 170. — Оп. 2. — Д. 3241.
22. Обзор Томской Губернии за 1893 г. — Томск, 1894.
23. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. — СПб., 1868.
24. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1040.
25. Обзор Томской губернии за 1891 г. — Томск, 1892.